

сравнению с античными авторами). Но вместе с тем, как отмечается в научной литературе, наличие документальных материалов повышает доказательность основных положений «Церковной истории» и увеличивает ее ценность как исторического источника⁵³. Действительно, благодаря многочисленным и иногда очень длинным вставкам текстов из актов церковных соборов, писем и рескриптов императоров и правителей провинций, судебных речей, сочинений христианских писателей аргументированность основных положений «Церковной истории» Евсевия значительно повышается, хотя эмоциональное воздействие на читателя его истории явно ослабевает.

Источниковедческая база «Церковной истории» Евсевия расширяется еще и за счет использования им сочинений авторов, не дошедших до наших дней. Так, он читал пять книг писателя II в. Гегесиппа⁵⁴, хронику III в. Юлия Африкана⁵⁵ и другие утраченные ныне сочинения. Он цитирует Юстина Философа⁵⁶, труды Климента Александрийского⁵⁷, Иринея⁵⁸, Аполлония⁵⁹ и многих других авторов. Для него характерно также использование иудейско-эллинистической историографии, в первую очередь «Иудейской войны» Иосифа Флавия⁶⁰.

Евсевий не считал для себя зазорным включать в повествование иудейские и антихристианские источники. Вводя в состав «Церковной истории» документальный материал, Евсевий стремился доказать истинность христианского понимания истории. Копии документов имперской администрации, подлинные акты церкви, списки епископов должны были оградить его историческое сочинение от обвинений противников. Евсевий вместе с тем, подобно светским историкам, постоянно апеллирует к собственному опыту, описывает людей, с которыми встречался, виденные ими города, совершенные им путешествия. Евсевий, однако, отходит от античных традиций, причем он отнюдь не перекрашивает античную историю в христианские цвета, а пишет ее заново, создавая новый жанр повествования, в который вкладывает новое содержание. Своим методом изложения он создает, по мнению исследователей, новую модель исторического произведения, во многом послужившую образцом для средневековых писателей⁶¹.

На исторических сочинениях Евсевия лежит глубокий отпечаток идейной и политической борьбы его времени. Теологические проблемы у него тесно связаны с политическими⁶². Евсевий живо интересуется политическими вопросами, но они всегда подчинены у него главным идеям его исторической концепции, прежде всего апологии христианства и церкви. Евсевия интересует в первую очередь не история, а «священная история», поэтому в его историческом труде гражданской истории отводится минимальное место⁶³.

Труды Евсевия не лишены противоречий, компромиссов, недомолвок. Это во многом объясняется сложным характером идейно-политической борьбы его времени. По своим социально-политическим взглядам Евсевий ориентировался прежде всего на высшую церковную иерархию и принявшие христианство образованные круги Восточной Римской империи. Возможно, он сам был более низкого происхождения, но близость ко двору императора Константина, его верноподданническая политическая ориентация открыли ему доступ в высшую церковную иерархию⁶⁴.

Несмотря на все слабости и недостатки «Церковной истории» Евсевия, ей суждена была длительная жизнь и широкое признание у последующих поколений. Это, естественно, объясняется тем, что Евсевий был если не создателем, то зачинателем особого жанра церковной историографии. Идеи победившего христианства прочно вошли в средневековую историографию Византии и Западной Европы, и связанная с ними историко-философская концепция Евсевия оказала значительное влияние на мировоззрение средневековых церковных историков и хронистов.

Труды Евсевия породили обширную подражательную церковно-историческую литературу. Подражанием многогранному труду Евсевия является «Церковная история» Руфина, написанная в 402 г. на латинском